

Лидия Рыбакова

WSP w Bydgoszczy

К ВОПРОСУ ОБ АППОЗИТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Вопросы, связанные с проблемой аппозитивных отношений, решались в русской лингвистической традиции на уровне предложения в сочетании определяемое слово – приложение. В данном реферате аппозитивные компоненты рассматриваются также в рамках единиц большей протяженности, чем предложение, и квалифицируются как супрааппозиция¹. Представление о названных объектах можно составить по следующим примерам из прозы К.Г. Паустовского² и их трансформам:

В Симбирске жил Гончаров –
медлительный человек, владе-
вший почти сказочным даром
русского языка /4, 319/

Приходил к нам Вася –
– тихий человек, похожий
на мальчика, болезненный
/трансформ/.

В Симбирске жил Гончаров.
Это был медлительный человек,
владевший почти сказочным даром
русского языка /трансформ/.

Приходил к нам каждый день
Вася. Это был тихий человек,
похожий на мальчика, болезнен-
ный /6, 527/.

Слева выделена аппозиция уровня предложения, модель определя-
емое слово – обособленное приложение. Справа – аппозиция тексто-
вого уровня /супрааппозиция/, модель определяемое слово – аппо-
зитивное предложение. Подобного рода интерпретация компонентов

связного текста стала возможной вследствие того, что в чешской лингвистике и работах советских исследователей была выдвинута новая референционная теория аппозитивности³. Так, по мнению В. Шмилауэра, аппозиция – это особый вид синтаксического отношения непредикативного характера, основным признаком которого является отношение тождества в широком смысле слова. В принципе исходя из этой дефиниции, мы считаем необходимым значительно сузить, конкретизировать логико-понятийные, структурные и морфологические критерии аппозиции как синтаксического явления непредикативного характера применительно к описываемой супрасинтаксической модели. Заметим, что Е. Кржижкова выступила в свое время с критикой теории В. Шмилауэра прежде всего потому, что здесь "учитывается в сущности лишь поверхностная структура предложения и остается в стороне различие синтаксических отношений между членами синтаксической группы"⁴. В данном реферате будет поставлен вопрос о разграничении супрааппозиции и других, внешне сходных структур, которые тоже передают отношение тождества в широком смысле. И, наконец, мы рассмотрим лексические наполнители компонентов, связанных аппозитивными отношениями и формирующих идентифицирующую семантику модели.

I. I. Мы ограничиваем круг аппозитивов текстового уровня только моделями с параллельным наименованием лица/предмета. Первое наименование имеет форму слова или словосочетания, второе форму предложения. Основой их объединения в супрааппозицию служит знаковая структурная схема параллельного наименования референта. Референтом считаем представление, получившее в конкретном контексте функцию означаемого двух имен: имени определяемого и предикативного имени зависимого предложения. Следовательно,

при избранном нами узком подходе из числа аппозитивных исключаются, например, параллельные наименования локализаторов, состояний, процессов и других элементов действительности, а также событийная номинация. Например:

Выстрелы неожиданно прозвучали слева. То был спуск к реке, смутно видневшейся в тумане; Дагни часто ходила в театр. Это было увлекательное занятие /7, 47I/; В Кракове сохранились традиции. Это хорошая черта народа, любящего свою страну и её прошлое /8, 429/.

2. Принятая логико-понятийная основа супрааппозиции соответственно коррелирует с морфологизацией и структурой ее членов. В этой связи можно привести мнение Уоллеса Л. Чейфа о том, что от сложившихся семантических структур путь ведет к правильно организованным поверхностным структурам и их фонетическим репрезентациям⁵. Специфическими структурными признаками супрааппозиции являются двучленность типовой схемы /определяемое плюс аппозитивное предложение/ и жёсткость линейной схемы /препозиция главного члена и постпозиция - зависимого/.

3. Морфологически главный член - это имя существительное или другой субстантив, исключая их синтаксическую обстоятельственную функцию. Именно такая поверхностная репрезентация референта /лица/предмета/ позволяет отграничить аппозитивы от текстовых единиц неаппозитивного типа. Что же касается морфологии членов зависимого предложения, то она не может выступать в качестве различительного дифференциального признака. Причиной является тот факт, что и в неаппозитивных моделях, аналогичных трем вышеприведенным, функционируют двусоставные предложения с местоименным субъектом это/то и субстантивным предикатом

/структурная схема $N_1 - N_1$ семантика схемы: "отношение между субъектом и его предметно представленным предикативным признаком"/.

II. I. При узком подходе к аппозитивным единицам из их числа следует исключить также текстовые образования, которые мы условно квалифицируем как супрапредикативы. См. эти модели и их трансформы:

Все, о чем я говорил выше совсем не пустяк. Это признак того, что жив еще пошляк и обыватель /3, 320/.

Благословение - это благодарность и напутствие всему хорошему, что будет жить, когда тебя уже не станет. Это преклонение перед красотой земли /8, 292/.

Все, о чем я говорил выше, совсем не пустяк, а признак того, что жив еще пошляк и обыватель /трансформ/.

Благословение - это благодарность и напутствие всему хорошему, что будет жить, когда тебя уже не станет, это преклонение перед красотой земли /трансформ/.

В приведенных примерах при внешнем сходстве с супрааппозицией /на основе критерия тождества в широком смысле/ реализуется совершенно иной тип коммуникативной перспективы. Общеизвестно, что "в современной синтаксической науке предложение воспринимается как сложное явление, которое содержит в себе по крайней мере три синтаксических объекта: формальное устройство, семантическую структуру и коммуникативную /функциональную/ сторону"⁶. Коммуникативный механизм текстовых образований с супрапредикативами в принципе отличается от супрааппозиции. В них рематический компонент текстового фрагмента приобретает ступенчатый характер. Первая ступень рематического членения реализует себя в

рамках первого предложения /высказывания/. Однако она раскрывает наиболее существенное в сообщении недостаточно полно. Поэтому перед последующей частью фрагмента текста ставится новое коммуникативное задание - уточнить, что именно имеет место. Ответ содержится во втором предложении, представляющем собой отдельное, коммуникативно значимое сообщение и соотносительное с темой как вторая рематическая ступень / T_1 --- R_1, R_2 /.

2. На уровне формально-грамматического устройства такие фрагменты текста противостоят моделям с разноуровневыми аппозитивами. Здесь функционируют два разноуровневых предиката. Один из них - словоформа или словосочетание, а другой - предложение, присоединяемое к первому в качестве второго члена однородного предикативного ряда. Эта однородность поддерживается соответствующим типом интонации. В одном примере показаны противительные-сопоставительные отношения между членами ряда, в другом соединительно-перечислительные.

3. В связи со вторым случаем отметим следующее. В связном тексте не всегда возможно отграничить формально самостоятельное предложение со схемой $N_1 - N_1$ и парцеллят второго /третьего и т.д./ сказуемого с частицей это. Приведем для сравнения два фрагмента текста из очерка К.Г. Паустовского "Живописная Болгария" /в сокращении/. В одной части функционируют в рамках одного предложения однородные сказуемые с частицей это. Последующий фрагмент построен, скорее всего, на подключении к первому предложению парцеллят.

Тырново - это дома, легко взнесенные один над другим среди обрывов и пропастей, это мосты, неожиданно перелегающие через реку из тоннеля в тоннель, это рыцарские башни...

Тырново - это причудливые очаги в домах, выступающие этажи, деревянные решетки на окнах... Это пригородные корчмы, где пьют "червоне" вино. Это, наконец, ночи, шумные от ровного и непрерывного голоса реки, и великое множество огней, неясно освещающих сказочный фасад этого города /8, 345/.

На наш взгляд, во втором фрагменте текста важно не то, парцеллы входят в его состав или реализована структурная схема предложения $N_1 - N_1$. Важно другое: здесь переданы предикативные отношения, а не аппозитивные. Такой взгляд возможен лишь при узком, избирательном подходе к аппозитивности, изложенном в настоящем реферате.

III. Референционная концепция параллельности наименования лица/предмета позволяет проанализировать соотношение лексических наполнителей аппозитивных пар.

Исходные положения в этой части реферата таковы. В конкретно материализованной аппозитивной паре может преобладать либо идентифицирующее, либо характеризующее значение. При идентификации на первый план выступает денотативный компонент значения. Тогда логическое содержание зависимого члена сводится к представлению о классе предметов, к которому принадлежит данный референт. Нам предстоит показать, что основная функция лексических наполнителей зависимого члена преимущественно номинативная, классифицирующая. При характеристике на первый план выступает сигнификативный компонент значения, когда смысл зависимого члена сводится преимущественно к понятийной квалификации референта. Выполняя сигнификативную функцию, лексические компоненты зависимого члена называют те или отличительные признаки-свойства референта. Характеризующие аппозитивы в данном реферате не

рассматриваются. Однако для сопоставления приведем два предложения с обособленными приложениями. В первом зависимый член имеет идентифицирующее значение, во втором - характеризующее.

И вот там, в этой тюрьме, он написал свою первую бунтарскую пьесу - "Разбойники" /8, 45/;

Еще в Академии Кипренский написал пейзаж "Пруд" - один из прекраснейших пейзажей русской живописи /6, 130/.

Итак, рассмотрим идентифицирующие аппозиции на примерах сочетаний группы определяемого и приложения, с одной стороны, а также аппозитивного предложения - с другой. Анализу подлежат три класса слов: а/ лексически неполнозначные слова, имена собственные; б/ слова, не имеющие своего собственного предметно-понятийного содержания - так называемые дейктические слова; в/ лексически полнозначные слова, способные выполнять денотативную и сигнификативную функцию⁷.

Нам предстоит показать, что в числе идентифицирующих могут быть модели с однонаправленным характером значимости лексических наполнителей и модели с двунаправленной их обусловленностью.

Выделяем три подтипа аппозиций.

I. В моделях первого подтипа идентифицирующее содержание обусловлено лексико-семантическим значением главного члена. В одной разновидности лексическими наполнителями аппозиции выступают слова, лишенные своего собственного понятийного содержания. В силу этого они не обладают номинативной функцией. К ним относятся так называемые слова-заместители, имеющие предельно отвлеченное значение: неопределенные, выделительно-ограничительные, обобщающие и тому подобные местоимения. По их поводу академик В.В. Виноградов подчеркивал: "Они обладают такой субъектив-

ной растяжимостью своего содержания, которая делает их лексическое значение условным, всеобщим, как бы беспредметным"⁸.

Именно семантическая природа слов типа: кто-то, что-то, один, другой, все и т.п. - лишает связанную с ними аппозитивными отношениями единицу возможности функционировать в качестве сигнификата, так как на нее "перекладывается" функция названия. Например:

одна страсть - любовь к природе /4, 293/;	одно явление, равное чуду /Это явление искусство /3, 453/;
коробки от сигарет, патроны, пуговицы /3, 122/;	что-то мягкое и темное / Это был стог сена /7, 328/; что-то / Это была палатка /6, 402/.
геолог не имел понятия, - законы борьбы и победы /7, 430/.	

В другой разновидности рассматриваемого подтипа лексическими наполнителями главного члена аппозиции являются диалектные, заимствованные, терминологические и т.п. слова. Очевидно, в этой модели названный разряд слов воспринимается адресатом в той или иной мере как знаки "незнакомого языка" и, образно говоря, нуждается в переводе. Повторное наименование и становится тем знакомым словесным знаком, который адресат идентифицирует с обозначаемым предметом /референтом/. Например:

"шевруцонной кавой" - перевернутым кофе /4, 29/;	"бокажи" / Это каменные изгороди в человеческий рост вдоль всех дорог и пешеходных тропинок /8, 309/;
"подпыхачи" - мелкий бильярдный шар /4, 358/;	"мшары", или "омшары" / Это заросшие в течение тысячелетий озера /6, 232/;
заманчивое "порто-франко", иными словами - беспощинная торговля	на бостонке / То

с заграницей /5, 328/.

была маленькая печатная машинка
/4, 229/.

Таким образом, в рассмотренных разновидностях первого подтипа аппозитивных единиц лексико-семантическая природа их главного члена обуславливает перенос денотативной функции на зависимый член. Тем самым формируется идентифицирующая семантика аппозиции в целом.

2. В моделях второго подтипа идентифицирующее содержание аппозиции детерминировано лексико-семантической природой уже зависимого члена. Приложение или предикативное имя аппозитивного предложения в этих моделях выражено именем собственным. Оно, не обладая полнозначной смысловой структурой, выполняет в языке лишь одну функцию: номинативно-опознавательную⁹. Имена собственные, как известно, лишены сигнификата и обладают свойством уникальной референции. Через них, по образному выражению Н.Д. Арутюновой, просвечивает реальный объект. По этой причине в аппозитивных парах, где зависимым членом выступает имя собственное, идентификация предмета и осуществляется через это имя собственное, независимо от лексико-семантической значимости имени определяемого. Например:

свою первую бунтарскую книгу	книгу с оторванным переплетом /
- "Разбойники" /8, 45/; ве-	Это были "Три мушкетера" Дюма
ликолепной страны - Кавказа	/4, 51/; очертания желтых гор /
/4, 73/; вода - Боровое озе-	Это был Крым /8, 231/; вода /
ро /7, 336/.	Это было Ларино озеро /7, 335/.

3. В моделях третьего подтипа идентифицирующая семантика аппозиции обусловлена уже не значением одного компонента, а складывается на основании взаимодействия значимостей обоих компонен-

тов. Здесь в качестве лексических наполнителей выступают имена нарицательные. При их анализе следует принять во внимание некоторые частные положения современной теории референции. Во-первых, имена нарицательные как лексически полнозначные слова способны выполнять и денотативную и сигнификативную функцию¹⁰. См. соответственно денотативную роль слова "реки" в первом примере и сигнификативную - во втором.

бешеные мутные потоки - реки Рион, Циву и Хопи /1, 524/; потоки машин - реки лакированных молний /8, 335/.

Во-вторых, многие имена нарицательные допускают отнесенность к разным объектам действительности¹¹. Ср.:

еще одно таинственное место - река /4, 106/; место действия - леса /8, 103/; самое беспокойное место океана - Бискайский залив /8, 308/.

Становится очевидным, что конкретная приложимость имени нарицательного к объекту осуществляется лишь в синтагматике, так как "синтагматические лексические связи слов служат основным средством актуализации виртуальных знаков"¹². Изученный текстовый материал позволяет прийти к заключению, что в моделях третьей группы идентификация объекта идет по линии семантического сужения. Оно может осуществляться, например, в таких направлениях:

а/ от имени более широкой семантики /родового/ к имени более узкой семантики /видовому/ -
кормовой травы - люцерны /3, 179/; кучы деревьев / Это ивы на
ценнейшую рыбу - лососину /8, 171/; Прорве /7, 325/; зверь, на-
микроскопических растений - диатомей /2, 97/; пражженный как струна / Это
был жираф /5, 375/; неви-

димые птицы / Это жаворонки /7, 217/;

б/ от прономинального имени к имени со значением конкретного лица -

маленькую женщину в черном - горбоносый человек /... это обыкновенный поездной контролер /5, 358/; только один человек - седой писатель с сухим лицом /7, 348/; очень высокая сухая женщина / Это была императрица /4, 226/;

в/ от имени полисемантического к имени контекстуально однозначному -

звук - веселое хлопанье флага /6, 94/; в яркое белое пятно - рубаху Вильяма Молчаливого /6, 293/; водяные ямы - жилища огромных щук /4, 106/; звук / Это отдаленный пароходный гудок /3, 429/; багровые размытые пятна / Это был, очевидно, блеск солнца /8, 129/; маленькие частые ямки / Это был след белки /2, 343/;

г/ от оценочного, метафорически функционирующего имени к референтно употребленному имени -

старшему брату - последнему парусному кораблю /6, 458/; в позолоченной тюремной клетке - в литературных салонах /6, 180/; стальная серая черепаха - американская подводная лодка /9, 163/; вели огромных серебряных рыб / Это были привязанные аэростаты /2, 444/; глаз мигнул и погас / Это проблесковый маяк на Меганоме /6, 470/; куски лиловой кожи / Это алыча, спрессованная мякоть дикой сливы /8, 182/.

Итак, для формирования идентифицирующего содержания в одних моделях решающее место отводится лексическим наполнителям глав-

ного члена, в других - второго, в третьих - обоим лексическим компонентам аппозиции.

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод о том, что узкий, избирательный подход к супрааппозиции тем не менее учитывает многоаспектность этой единицы текста. Ограничение определенными рамками ее логико-понятийной и грамматической сущности позволяет дифференцировать текстовые фрагменты аппозитивного и неаппозитивного типов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- I Некоторые аспекты проблемы изложены в наших работах: Аппозитивность в аспекте грамматики и семантики текста. Москва, 1978; Сопоставительный анализ аппозитивных компонентов в немецком и русском языках. - В кн.: Сопоставительный анализ грамматической и лексической семантики. Куйбышев, 1982
Konfrontative Analyse der Apposition unter dem Gesichtspunkte der Wiedergabe des individuellen Stils des Autors - Wissenschaftliche Zeitschrift, Jahrgang 31, Heft 2, 1987, S. 301, Potsdam, Verlag des Pädagogischen Instituts
- 2 Используются издания: К.Г. Паустовский. Собр. соч. в 8 т.т., Москва, Художественная литература, 1967 - 1970; К. Паустовский. Рассказы. Очерки. Статьи. - Москва, 1972. В дальнейшем указываются том и страница взятого примера. Последнее издание обозначено цифрой 9.
- 3 V. Šmilauer. *Novočeská skladba*, 2-ое изд., Praha, 1966; Грамматика русского языка. АН СССР, Москва 1970; Орлов К.П. Син-

таксические структуры простого и сложного предложения в их соотношении с одним и тем же референтом в современном русском языке. Астрахань, 1970

- ⁴ Е. Кржижкова. К вопросу о так называемой аппозиции. - В кн.: *Travaux linguistiques de Prague. Etudes structurales au VIe congres des slavistes. Academia, Prague 1968* с. 33
- ⁵ Уоллес Л. Чейф. Значение и структура языка. Москва, 1975, с. 75. С позиций описания порождающего процесса см.:
N. Chomsky. Deep structure, surface structure and semantic interpretation. - *Semantics*. Ed. by D.D. Steiberg and A. Jakobovits, Cambridge 1971 с. 187 - 188
- ⁶ Jurij Lukszyn. Składnia. Gramatyka opisowa współczesnego języka rosyjskiego. Część 4. Pod redakcją Alberta Bartoszewicza i Jana Wawrzyńczyka, Warszawa 1987 с. 86
См. также: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Ленинград, 1975; Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке. Москва, 1970; Распопов И.П. Стрoение простого предложения в современном русском языке. Москва, 1970; Белошашкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. Москва 1980
- ⁷ О названной классификации лексических единиц см.: *Общее языкознание. Внутренняя структура языка. Москва, 1972*, с. 445 - 457
- ⁸ Виноградов В.В. Русский язык /Грамматическое учение о слове/. Москва, 1947, с. 324; См. аналогично: Канцельсон С.Д. Содержание слова, значение, обозначение. Москва - Ленинград 1965 с. 5

- ⁹ Суперанская А.В. Общая типология имени собственного. Москва. 1973; Арутюнова Н.Д. Языковая номинация /Виды наименований/. Москва 1977 с. 190
- ¹⁰ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Москва 1976 с. 293
- ¹¹ Там же с. 180
- ¹² Общее языкознание. Внутренняя структура языка. Москва, 1972, с. 405; О моделях синтаксической сочетаемости как факторе, предопределяющем семантическую реализацию слова, см.: Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. Москва, 1968; Падучева Е.В. Референциальные аспекты семантики предложения. В сб.: Известия АН СССР, СЛЯ, 1985, том 44 № 4 с. 291

Z ZAGADNIEN APOZYCJI WE WSPÓLCZESNYM JĘZYKU ROSYJSKIM

Streszczenie

W artykule na materiale prozy K. Paustowskiego są omówione właściwości semantyczne i gramatyczne zdań funkcjonalnie homogenicznych z wyróżnieniem członu apozycyjnego. Analiza jest prowadzona z punktu widzenia składni tekstu (suprasyntaxis), dlatego obiekt opisu jest określany jako supraapozycja. Poruszona jest również kwestia zróżnicowania fragmentów tekstu o charakterze apozycyjnym i nieapozycyjnym.